

ПРОШЛОЕ — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАСТОЯЩЕГО

Данил Лиферов

УДК: 32.019.51.

Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 584 с.

The Past is a Responsibility of the Present

Danil Liferov

Как страны восточной Европы преодолевали свое трудное прошлое? Какие стратегии они выбирали? Какую роль в этих процессах играли интеллектуалы, СМИ, политики и гражданское общество? Какова была логика террора в СССР и как менялась тайная полиция на протяжении последних ста лет в истории России? Наконец, как появился «Мемориал»¹, главная организация по сохранению памяти о политических репрессиях в СССР, которая была ликвидирована в 2022 году? На эти разнообразные вопросы пытается ответить Евгения Лёзина, политолог, научный сотрудник Центра современной истории в Потсдаме.

1. В 2016 году организация была включена в реестр иноагентов, в 2021 году — ликвидирована по решению Верховного суда РФ, в 2022 году — награждена Нобелевской премией мира. — Прим. ред.

Известный исследователь Михаил Габович в недавно выпущенной статье о советской интеллигенции и германском покаянии писал, что косвенное знакомство и идеализация немецкого опыта блокируют способность трезво размышлять о собственной истории и возможных путях разрешения трудного прошлого. Он жалуется на то, что в российских дискуссиях эмпирические научные исследования, содержащие взвешенный анализ германского опыта, появляются редко, а не критичные апелляции к Германии в политических баталиях только уменьшают возможность продуктивного обсуждения³. Книгу Евгении Лёзиной можно отнести к первой категории исследований, где немецкая модель раскрывается во всей ее противоречивости. Кроме того, конечно, работа Лёзиной — это и важный камешек в споре о судьбе России и «трудных» моментах ее истории.

За последние два года вышло много очень хороших книг, посвященных политике памяти и трудному прошлому. «Всё в прошлом: теория и практика публичной истории» под редакцией Андрея Завадского и Веры Дубиной² раскрывает поле публичной истории в различных сферах: от городского пространства и краеведения, биографии и исторической прозы, театра и кинематографа до обзора *memory studies* и квир-исследований. Историк ЕУСПб Иван Курилла написал книгу «Битва за прошлое»⁴, где показал, как в России и мире прошлое становится предметом политической борьбы. Светлана Еремеева подвела итог своих многолетних размышлений в труде «Память: поле битвы или поле жатвы»⁵, о которой также рассказано в этом выпуске. И, конечно, работа Николая Эппле «Неудобное прошлое...»⁶, которая дала новый импульс дискуссии и стала настоящим медийным событием в России. Эта книга продолжает удерживать внимание публики своей актуальностью: вышло уже третье издание, которое регулярно допечатывают. В этом потоке могло затеряться исследование Евгении Лёзиной — политолога и научного сотрудника Центра современной истории в Потсдаме.

2. Габович М. Отражения на фоне: советская интеллигенция и германское покаяние // Новое литературное обозрение. 2022. № 173. С. 102–121.

3. Всё в прошлом: теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. 448 с.

4. Курилла И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 232 с.

5. Еремеева С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 360 с.

6. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.

Книга Лёзиной «XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах» выпущена в 2021 году в издательстве «Новое литературное обозрение» в серии «Либерал.RU»⁷. Учителями исследовательницы были известные социологи Борис Дубин и Лев Гудков⁸, влияние которых отчетливо заметно в ее работе. Ссылки на объяснительные концепции Гудкова и Левады встречаются на протяжении всей книги, поэтому неудивительно особое внимание к опросам общественного мнения, какое проявляет Лёзина.

Основной аргумент Лёзиной строится вокруг того, какие нужно сделать политические шаги, чтобы критически взглянуть на свое прошлое и не вернуться к диктатуре. В первую очередь, это открытие архивов; реформирование или даже ликвидация тайной полиции (например, Штази); люстрации, а также свободное публичное пространство, внутри которого возможна здоровая интеллектуальная жизнь.

Книга Лёзиной — это сборник переработанных статей, написанных с 2011 по 2018 год, из-за чего повествование складывается несколько неоднородно. Лёзина прочерчивает историю послевоенной Германии от образования ФРГ и ГДР до объединения страны. Первую главу она посвящает политике денацификации, где показывает механизм этой процедуры и противоречивую реакцию западногерманского общества. К опыту ГДР Лёзина, к сожалению, не обращается. Исследовательница описывает интеллектуальные построения, культурную эволюцию и общественно-политические события, из которых складывалась, по выражению Левады, новая «программа культуры» западногерманского общества. Затем Лёзина обзорает практики переходного правосудия в Восточной Европе, выделяя несколько моделей. В следующих главах исследовательница создает панораму советского террора, описывает историю органов безопасности в России, показывает, как создавалось общество «Мемориал». Книга завершается главами о государственной идеологии в современной России и, что особо примечательно в наше время, об опыте украинской люстрации.

Часть о Германии у Лёзиной раскрыта наиболее удачно и полно, с одной стороны, благодаря аналитическим способностям исследовательницы, с другой, благодаря уже сформированному и хорошо изученному проблемному полю немецкой памяти. Лёзиной удается совместить рассказ о бурной политической и общественной жиз-

7. Лёзина Е. *XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 584 с.

ни с обзором идей, которые зарождались в этом контексте, а затем и меняли его: идеи Ясперса о четырех видах виновности: уголовной, политической, моральной и метафизической; выступления и статьи Адорно; работы четы психоаналитиков Митчерлих; произведения «Группы-47» — объединения немецких литераторов, в которое входили Генрих Бёлль, Гюнтер Грасс, Эрих Мария Ремарк и другие. Невозможно не привести цитату основателя «Группы-47», писателя Ганса Вернера Рихтера, которую дает Лёзина:

«Нам приходилось вырубать просеки в джунглях, чтобы возродить немецкий язык. После 12 лет, в течение которых немецкий был сведен к бессмысленной пропаганде или символизму “внутренней эмиграции”, даже самые простые слова утратили свой истинный смысл. Мы не могли больше использовать такие слова, как “сердце”, “дух”, “кровь”, “земля”, “народ”, “отечество”, потому что во время Третьего рейха они приобрели смысл и значение, которые были отвергнуты теми из нас, кто вернулся с войны. Наш словарный запас изначально был сокращен до несколько сотен слов, лишенных каких-либо намеков или двусмысленностей...»⁸.

Культурный и политический процесс взаимосвязаны: чтобы осуществилось политическое действие, нужна определенная символическая структура, которая ему поспособствует. И Лёзина показывает, из чего формировалась символическая структура послевоенного немецкого общества: символы нацистского концлагеря, фигуры свидетеля, преступника и палача, которые воплощаются в фильмах (здесь исследовательница так же, как и Эппле, останавливается, на сериале «Холокост»), книгах, политических речах и другого рода коммеморативных практиках.

После 20-летнего затишья и попытки создать «надежную» нацию, для которой ее темное прошлое было бы не более чем неприятным историческим фактом, на рубеже 60–70-х годов произошел культурный, социальный и политический перелом. В Германии на сцену вышло новое поколение, которое уже успело впитать в себя образовательные инновации, привнесенные «поколением — 45». Тогда появились новые общественные движения: экологические, движение против атомной энергии и движение за мир.

Рассматривая переломное время рубежа 60–70-х Лёзина, однако, остается в рамках классического понимания политической культуры как установок, ценностей и мнений, поэтому она больше обращается к опросам, которые помогают увидеть изменения в политическом поведении, но не понять их причины. В более актуальном понима-

8. Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. С. 78.

нии анализ политической культуры акцентирует внимание на дискурсах и нарративах, через которые исследователи рассматривают символическое измерение политики⁹. Лёзина упускает важный момент из-за выбранной теоретической рамки в главе о демократизации (гл. 3). Например, она оговаривает, что общественные настроения достигли предельной точки после избрания канцлером 1 декабря 1966 года бывшего члена НСДАП и заместителя заведомо по радиопропаганде в риббентроповском МИДе Курта Георга Кизингера и что принятые в 1968 году чрезвычайные законы «сразу же окрестили “нацистскими”»¹⁰. Однако исследовательница недостаточно показывает символический контекст. В это время происходила попытка реконструировать национальную идентичность. Как описывает это Бернхард Гизен, поколение 1968-го нападало на миф демократического начала ФРГ и заменяло нарратив о том, что немцы были жертвой нацистской диктатуры, обвинением в молчаливом и явном соучастии. Вина за преступления нацизма, таким образом, распространялась не только на ярых нацистов, но и на все поколение отцов, которое допустило тиранию. Это напряжение между поколениями породило новые поиски и публичные дебаты о вине¹¹. Именно в таком контексте победу на следующих выборах одержала СДПГ и в 1969 году канцлером Германии стал Вилли Брандт. Его символический жест — он опустился на колени перед памятником жертвам подавленного восстания в Варшавском гетто — стал одним из самых хрестоматийных примеров покаяния.

Особое внимание Лёзина уделяет периоду истории Германии после падения Берлинской стены (гл. 4). Эта глава посвящена двум центральным темам: правовым основам открытия архивов госбезопасности и привлечению к ответственности чиновников-преступников. Исследовательница рассказывает о политических баталиях, проходивших во время объединения Германии между канцлером Гельмутом Коелем, который стремился уничтожить архивы, и Йоахимом Гауком, главой комитета, призванного контролировать полный роспуск восточногерманских спецслужб. Дискуссия развернулась вокруг вопроса о том, что делать с архивами тайной полиции, шла борьба за каждый пункт договора по объединению. Со стороны правительства ФРГ использовались известные всем аргументы потенциальной «взрывоопасности» и «охоты на ведьм». В этой ситуации

9. Olick J.K. *The politics of regret: collective memory in the age of atrocity*. New York: Routledge, 2007. P. 38–40.

10. Лёзина Е. *XX век: проработка прошлого*. С. 144.

11. Giesen B. *Triumph and Trauma*. New York: Routledge, 2004. P. 129–132.

немцы пошли следующим путем: полностью ликвидировали Штази, сохранили архивы, создали отдельное ведомство, имеющее доступ к документам, чтобы исследовать их. После этого тысячи бывших работников органов безопасности, госслужащих, судей, учителей и представителей других общественно значимых профессий должны были подвергнуться люстрации, если подтверждалось, что они сотрудничали с органами безопасности.

Глава о Германии 1990-х примечательна еще и обсуждением идеи, позволившей выстроить обвинение сначала нацистских преступников на Нюрнбергском процессе, а потом и коммунистических преступников. Эта идея известна как «формула Радбруха»: она позволяет судить преступников за те преступления, которые в момент их совершения преступлениями *de jure* не были. Как пишет Лёзина,

«...суть данной концепции, легшей <...> в основу международного права, заключалась в том, что очевидно противоречащий естественному праву (*lex naturalis*) закон не является справедливым и обязательным к исполнению»¹².

Далее Лёзина показывает, как этот принцип укоренился в международном праве и реализовывался в правоприменительной практике в Германии, особенно в делах об убийствах тех, кто пытался пересечь границу между Западной и Восточной Германией.

Лёзина описывает практики переходного правосудия не только в Германии, но и в таких странах, как Чехия, Польша, Венгрия, Румыния, Словения, страны Балтии и, наконец, Россия. По словам исследовательницы,

«...люстрационные механизмы варьировались от выявления и публичного разоблачения бывших сотрудников и осведомителей секретных служб до запрета им работать на госдолжностях и занимать другие позиции общественного доверия»¹³.

Она обращается к различным объяснительным моделям ученых, которые пытались разобраться, какие факторы обеспечивают успешный транзит. Там же исследовательница справедливо опровергает тезис Хангтинтона о том, что правосудие вершится либо быстро, либо никогда. Собственно, в этой части Лёзина приходит к основному своему тезису: главная цель транзита — не допустить к позициям влияния бывших сотрудников и осведомителей тайной полиции.

12. Лёзина Е. *XX век: проработка прошлого*. С. 208.

13. Там же. С. 354.

Работа Лёзиной — это не только демонстрация того, как трудное прошлое преодолевается целыми государствами. Лёзина и сама включается в этот процесс в роли историка, в силу чего она посвящает более 200 страниц советским и постсоветским органам безопасности: от момента возникновения тайной полиции и до наших дней. Лёзина расставляет точки на этой исторической карте: институциональные изменения, идеологическая основа репрессивных практик, роль органов в терроре. Она дает ясное представление о советских репрессиях и в ранние годы советской власти, и в сталинское и постсталинское время.

Центральный узел книги, в котором стягиваются наиболее драматичные и спорные моменты в истории России, — это главы о годах перестройки, когда происходило становление «Мемориала», и 90-х, когда новая «демократическая» власть сменила прошлую «тоталитарную». Именно в таком порядке лучше читать о России: главу о «Мемориале» (гл. 8), затем главу о трансформации органов безопасности в позднесоветское время (гл. 7) и раздел о люстрациях (в гл. 5), который подводит черту под возможными путями развития России.

Здесь Лёзина выступает скорее как историк, чем как аналитик: рассказывает историю, а не проблематизирует и интерпретирует ее. Этим главам не хватает теоретической осмысленности, большего погружения в контекст. История «Мемориала» раскрывает переломный момент в истории России. К сожалению, Лёзина не очерчивает то культурное и общественно-политическое состояние, в котором находилось наше общество в годы перестройки, а ведь именно в этот период стали заполняться «белые пятна» в истории. С 1986 года литераторы, деятели кино и театра, пользуясь ослаблением цензурного гнета, делают все возможное, чтобы восстановить в памяти те глубокие травмы, о которых прежде было дозволено вспоминать только в частном порядке: коллективизацию, насильственную индустриализацию, массовые репрессии 1930-х годов, депортацию целых народов, разгул антисемитизма и послевоенные репрессии¹⁴. Выходят многотысячными и даже миллионными тиражами журналы, в которых печатаются «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, а также тексты Варлама Шаламова, Лидии Гинзбург, Василия Гроссмана и многих других. Появляются первые «неформальные» политические клубы, которые впоследствии сыграют немалую роль во время перестройки. Из этих клубов и вырос «Мемориал»¹⁵ — гражданская

14. Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. №5. С. 40–54.

15. Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 472 с.

инициатива, во главе которой стоял известный диссидент, лауреат Нобелевской премии мира, академик Андрей Сахаров.

Лёзина хорошо показывает, в какой политической неоднозначности рождался «Мемориал». Это была действительно мощная сила. В политическую борьбу с участием «Мемориала» были включены и сам Горбачёв, и аппарат ЦК КПСС, и вся структура Комитета госбезопасности. Этот момент, подчеркивает Лёзина, был одной из развилок в современной истории. Более радикальное крыло зарождавшегося «Мемориала», участники которого выступали за расформирование «всесильного советского гестапо КГБ»¹⁶, привлечение к ответственности виновных и открытие архивов, проиграло и, отколовшись, растворилось. Умеренное крыло же уступило и Горбачёву, и КГБ, которые пытались ограничить обсуждение репрессий только сталинским временем. Так, «Мемориал» в то время занялся созданием памятников жертвам репрессий, сохранением их памяти и реализацией просветительских программ. Завершая главу о «Мемориале», исследовательница задается вопросами, на которые читателю предстоит искать ответы самому. Что было сделано не так? Может, уже в то время «Мемориал» обрек себя на ликвидацию, отказавшись противостоять органам безопасности? В этом и состоит посыл Лёзиной — критически посмотреть на начало открытого разговора о прошлом.

Обратимся теперь к части о люстрациях в России (в гл. 5). Лёзина показывает, что с победой Ельцина ни о какой люстрации не могло идти и речи. Исследовательница демонстрирует логику, согласно которой велась политическая борьба. И снова те, кто выступал за люстрацию, оказались в меньшинстве. Но Лёзина не отвечает однозначно, почему не появилась политическая сила, способная противостоять Ельцину. С одной стороны, после годов неразберихи внутри спецслужб к правлению Ельцина «чекисты» перегруппировались и вновь обрели возможность действовать. С другой, интеллектуальная элита также была на стороне противников люстраций. Можно увидеть в тексте, как первые лица «Мемориала» Арсений Рогинский или Сергей Ковалев на символическом уровне приравнивают люстрацию к недемократическому акту мести и большевистской чистке периодов красного и Большого террора, как они говорят о невозможности разделить «чистых и нечистых»¹⁷. Можно сказать, что не только институциональные и политические структуры блокировали проработку сталинского и — шире — всего советского про-

16. Лёзина Е. *XX век: проработка прошлого*. С. 502.

17. Лёзина Е. *Там же*. С. 338.

шлого, проблемы возникали и на символическом уровне, где так и не возник консенсус по отношению к люстрациям, одной из форм расчета с прошлым.

Видимо, Горбачёву удалось сместить дискурс репрессий и ограничить его только сталинским временем. Обсуждение сводилось к довольно далеким временам, за которыми терялись политические вопросы здесь и сейчас. Если нельзя отличить жертв от палачей, то ими были все. Ни судов (кроме суда над КПСС, превратившегося, как выражается Лёзина, в фарс¹⁸), ни какой-либо другой публичной интеллектуальной работы сделано не было. Александр Эткинд, автор «Кривого горя», замечает, что «в России не было серьезных споров — религиозных или светских — о проблемах коллективной вины, памяти и идентичности»¹⁹. Такую дискуссию пытался начать филолог и бывший политзаключенный Дмитрий Лихачёв в начале 90-х, однако ничего подобного «Вопросу о вине» Ясперса российскими интеллектуалами написано не было.

Тех преимуществ, которыми были сильны главы о Германии, не хватает в разговоре о российском прошлом в изложении Лёзиной. Рассказ о Германии опирался на богатую традицию исследовательской литературы. В России же эта проблематика только ждет комплексного и систематического изучения, в которое должны быть включены исследователи из разных научных сфер: политологи, социологи, культурологи, историки и журналисты. Вместе с тем, книга Лёзиной — это важный шаг в проработке прошлого России. Она дает материал для общественного обсуждения, показывает существующие модели переходного правосудия и критически анализирует их.

Таким образом, книга Лёзиной — это добросовестное исследование, выполненное в рамках устоявшегося научного дискурса, которое поможет тем, кто хочет познакомиться с проблемами переходного правосудия и политики памяти, а также тем, кто хочет лучше представить точку отсчета, из которой вышла современная Россия. Лёзина дает богатый эмпирический материал для дальнейших размышлений благодаря архивным данным и живому рассказу об исторических событиях, персонах и их высказываниях.

Однако когда книга Лёзиной выходила в 2021 году, еще можно было размышлять о том, как преодолевать трудное коммунистическое прошлое. После 24 февраля 2022 года эта книга приобрела совершенно иную тональность, и посыл, который в ней заложен, нужно

18. Лёзина Е. *XX век: проработка прошлого*. С. 349.

19. Эткинд А. *Кривое горе: Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 21.

осмыслять по-новому. Чтение работы Лёзиной оставляет щемящую рану от понимания, что, несмотря на перестройку и демократизацию, современная Россия стала продолжением неразрешенных проблем Союза. Но, как ни парадоксально, сейчас мы куда ближе к проработке прошлого, чем были 30 лет назад.

Данил Андреевич Лиферов
Российский государственный
гуманитарный университет
(Москва), социологический
факультет, бакалаврская
программа «Социология»
danil.liferov@gmail.com

Danil Liferov
Russian State University
for the Humanities (Moscow),
Sociological faculty,
BA Programme in Sociology
danil.liferov@gmail.com